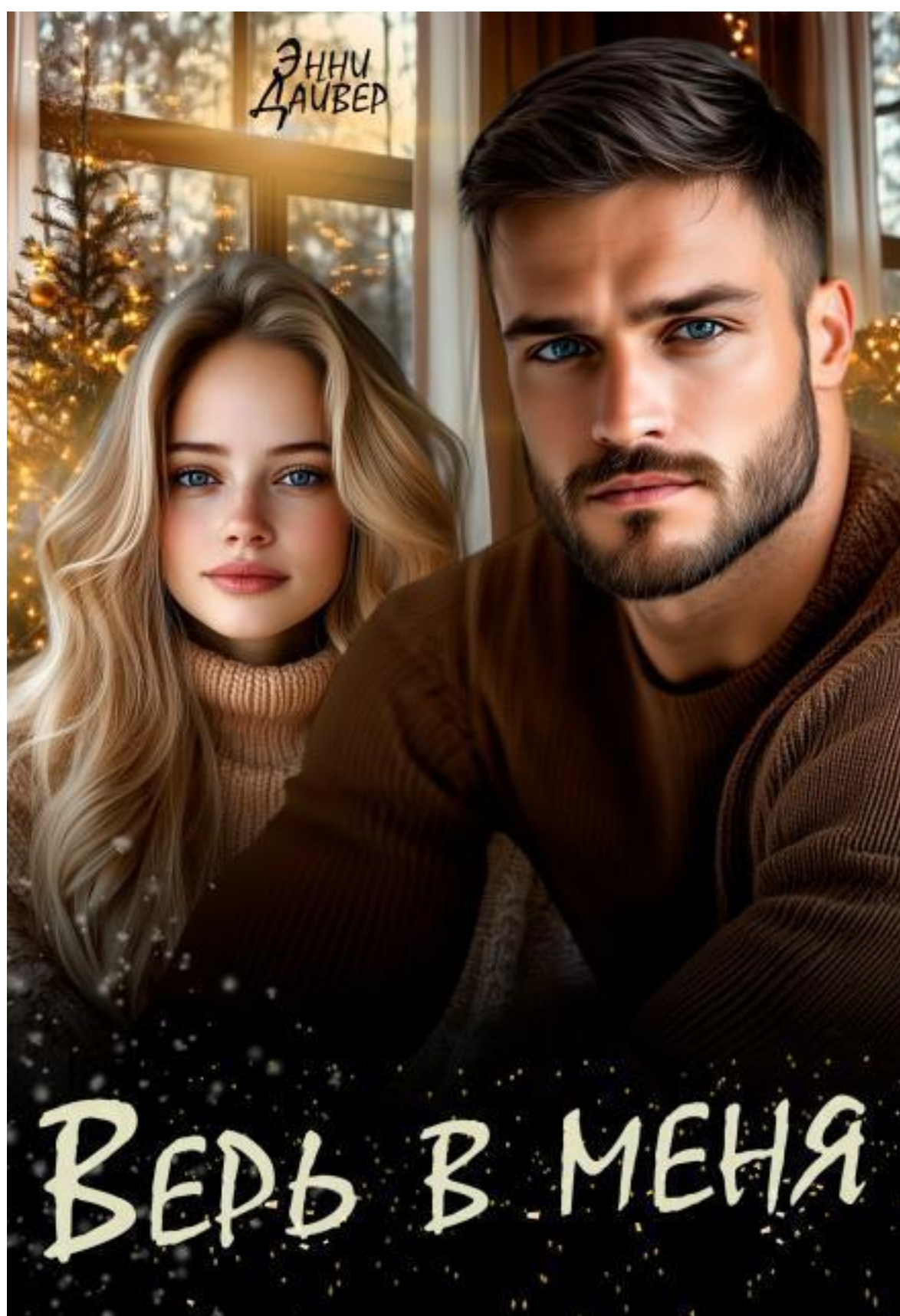




ЭННУ
ДАУБЕР

ВЕРЬ В МЕНЯ

Энни Дайвер

Верь в меня

«Литнет»

2024

Дайвер Э.

Верь в меня / Э. Дайвер — «Литнет», 2024

— Почему ты ушла? — Ты правда не понимаешь? — Нет, Диана, не понимаю. Я домой приехал с цветами, раньше на три дня, а у меня такой сюрприз. Как давно ты ушла? — В понедельник. А сегодня пятница. — И что стало причиной? — Я все знаю, Андрей. Она мне все показала, даже не постеснялась. — Да кто, блин, она? — Твоя любовница. — Он - боец спецназа, вернулся из горячей точки, но вместо семейной встречи получил предложение развестись#горячо_и_откровенно #взрослые_герои Измен между героями нет!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	35
Глава 12	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1

— Три дня не звонить, сообщения не слать. Понятно? — громко рапортую своим, стоя у машины. Месяц были на учениях, которые только по бумажкам учения, а на самом деле полевая работа: ни условий нормальных, ни связи три недели.

Пацаны мои вымотались, все уставшие, но с улыбками, потому что каждый едет домой. И каждый живой, отделались одними царапинами.

— Так точно, товарищ капитан, — вразнобой тянут бойцы.

Махнув им, сажусь в машину и отъезжаю с парковки. Месяц стояла нетронутая, надо круг вокруг части дать и только потом ехать, а то мало ли. Телефон бросаю на пассажирское сиденье. Пока не включаю, хочу Дианке сюрприз сделать. Настроение сегодня какое-то слишком приподнятое, даже легкое волнение есть и предвкушение.

Домой всегда радостно возвращаться. Дома ждут. Дома любимая жена и уют. И я каждый раз такой счастливый приезжаю, что думаю, пора найти работу по месту, в следственный, может, перевестись. Мне там место всегда найдется, да и к супруге каждый вечер буду возвращаться. Дианка, наверно, обрадуется.

У нас в последнее время не лады. Я в погоне за звездочками все чаще пропадаю из дома. Звонков мало, видимся редко, а о нормальном отпуске я вообще забыл. В последний раз меня выдернули из аэропорта, когда мы собирались лететь на юг. В Сочи по итогу Дина полетела одна. Я тоже жарился на солнце, но, к сожалению, не в Краснодарском крае. Встретились оба загорелые, будто отдыхали вместе, только жена посвежевшая, а я замученный. Отсыпался тогда дня три.

После этого у нас и пошло все по наклонной. Дошло до того, что в последнюю командировку она даже не приехала меня проводить. Попрощались сухо утром, когда она на работу уходила, и все. Обычно Диана сбегала на обед и приезжала в часть. Я, конечно, превышал полномочия, когда выходил с ней обниматься, но было плевать.

По пути заруливаю в цветочный и покупаю букет из белых роз. Флорист улыбается, предлагает еще конфеты или фруктовую корзину к цветам. Соглашаюсь на шоколадные сладости. Надо нам с женой возвращаться в привычное русло счастливой семейной жизни. У меня впереди месяц, так что успею ей даже надоесть.

До вечера жена на работе, успею себя в порядок привести и сбрить бороду, от которой чешется все лицо. Забрав цветы, подарок и сумку с вещами, выхожу из машины. Иду к дому. Здоровуюсь с соседками, которые в разгар зимы решили поболтать на лавочке у подъезда. Они только кивают, заговаривать со мной не спешат, хотя некоторые бабушки не упускают шанса запрячь меня мужской работой, пока я дома — кому-то то гардину прикрутить понадобится, то еще что-нибудь починить. Я тоже не в настроении болтать, поэтому спешно ретируюсь, да и не гордый, чтобы на женщин пенсионного возраста обижаться. Заруливаю в подъезд и на лифте поднимаюсь на наш этаж. Мы живем на пятом, в самой серединке девятиэтажки.

Открываю дверь своим ключом, вхожу в квартиру. На несколько секунд прикрываю глаза, смакуя чувство дома, но что-то сбивает. Не пойму, что не так. Как-то холодно слишком в квартире. Открываю глаза, осматриваюсь. Пусто, здесь слишком пусто.

В прихожей на полочках обычно коллекция Дианкиной обуви, а сейчас пустота, только мои одинокие кроссовки и комнатные тапочки. Никаких духов на комод и забытых перчаток. Впопыхах разувшись, иду дальше. В ванной тоже пусто. Чистое полотенце лежит на стиралке. Баночек вообще никаких нет, только мой одинокий гель для душа три в одном: для лица, волос и тела.

На кухню даже не захожу, Диана в мое отсутствие почти ничего не готовит себе, там всегда пусто, если я приезжаю без предупреждения. Заруливаю в спальню. Открываю шкаф — половины вещей нет. Куда пропала моя жена?

В затылке неприятно зудит. Что-то точно случилось, она не могла так просто собрать все и уехать. Да и куда? В ее однушке живут квартиранты, кстати, мой боец, так что вряд ли бы она его выселила, Диана и выбрала его потому, что дома появляться будет редко и все загадить не успеет. Ну и я периодически воспитательные беседы о чистоте провожу. С батей ее все хорошо, он генерал, мы виделись утром, когда я только приехал в часть. Он и словом не обмолвился про побег своей дочери.

Лезу в карман за телефоном. Меня потряхивает от волнения и злости. Может, Диана написала и все не так страшно, но нафига все вещи-то собирать? Мои аккуратно висят. Интуиция вопит, что дело дрянное. Я не знаю, в чем причина, но Ди совершенно точно ушла.

Телефон сел, не включается. Обычно я не паникую, за годы службы научился держать эмоции под контролем, но когда дело доходит до личной жизни, установки сбиваются. Суетно ищу зарядку в ящиках. Нахожу не сразу, оказывается, она лежит возле розетки на прикроватной тумбочке. Втыкаю, жду, когда дойдет хотя бы до двух процентов. Открываю окно, потому что вдруг нечем дышать.

Как же долго все загружается! Не могу терпеть, это выше моих сил.

Хожу по комнате туда-сюда. Загрузка все еще идет. Не вовремя вспоминаю слова Дианы, что мне нужен новый телефон. Я как-то все время пренебрегал. Этот же работает, заряд держит, да и не зависает. Просто старый и немножко медленный. Сейчас это на руку вообще не играет.

Сажусь на кровать, снимаю блокировку с экрана и наконец набираю номер. Диана в избранных контактах. Один гудок, второй, третий. На пятом я думаю, что она сейчас ответит. На седьмом Диана отбивает. Это еще что за новости? Повторяю трюк. Параллельно звенят уведомления, вечно меня засыпают, пока я работаю. Потом весь день читаю, кто и что прислал. Диана отклоняет вызов уже на третьем гудке. Звоню еще. Это последний, у нас всегда три контрольных. На втором отбито.

Пишу сообщение: «Может, поговорим?»

Ди долго ждать не заставляет: «Совещание».

Лаконичная до ужаса. Раньше сбегала со своих переговоров, чтобы со мной поболтать, а теперь отписки строчит.

Ладно, я хотя бы знаю, что она на работе.

Чтобы не сойти с ума за три часа до конца ее рабочего дня, иду в душ. Привожу себя в порядок, становлюсь похожим на человека. Нахожу в холодильнике яйца и пачку сосисок. По срокам вроде нормально, в омлет сойдет.

Кусок в горло лезет с трудом, но я с утра не ел, поэтому заставляю себя доест. Делаю все на автомате — готовлю, жую, мою посуду. Кофе варю тоже по инерции. Думаю, где я так проебался, что моя жена уехала во время командировки. Что должно было произойти, что Диана собрала все вещи и исчезла, не оставив ни одного сообщения.

Гипнотизирую телефон, отсчитывая минуты. Жду, когда наконец можно будет ехать. На заставке у меня Ди, это тоже не добавляет спокойствия. Помню этот вечер, была осень, мы гуляли по городу. Диана, как всегда, была самой красивой женщиной, хотя, если честно, я на других и не смотрел. Как можно, когда в руках такое чудо? Я вообще рядом с женой не вижу и не слышу никого, кроме нее. Она засмотрелась на город, я отошел недалеко и сделал пару кадров. У нас так чуть ли не с первого дня было — она у меня на экране, я у нее. А теперь что?

Выжидаю еще десять минут и, накинув куртку, выхожу на улицу. Пытаюсь найти в карманах пачку сигарет. Безуспешно. Бросил еще год назад. Мы ребенка с Ди планировали, даже проверялись, выяснилось, что у нас идеальная совместимость. Но что-то не сработало.

Собираю начало пробок, с трудом нахожу парковочное место возле офиса Дианы. Мне везет, оно аккурат через три места от ее машины. Звоню ей еще раз, она снова отбивает. Пять минут до конца рабочего дня, в чем проблема ответить?

Выхожу из машины, останавливаюсь возле ее тачки. Ее присыпало снегом, почистить бы, но я вообще не хочу Диану куда-то одну отпускать. На моей доедем, если надо будет, потом ее пригоню. Но обычно, когда я приезжал, ее машина стояла возле дома, потому что я и отвозил Диану на работу, и забирал обратно. За время отдыха хочется успеть все и окружить любимую заботой по максимуму. Вот я на этом энтузиазме и стою.

Входная дверь открывается, появляется какой-то пижон в пальто нараспашку. Он придерживает дверь, что-то увлеченно рассказывает и смеется. До меня доносятся отголоски, но я узнаю Дианкин смех. Она выходит радостная, кивает собеседнику, а я сжимаю кулаки, думая, что лучше бы этому недомужу свалить от моей жены подальше. Ревную Ди я всегда, когда мы только начали встречаться, многие говорили, что она слишком красивая для меня. Вот просто слишком, такие обычно выбирают себе в мужья бизнесменов, которые могут айфоны дарить каждый день, а не простых вояк. Тогда мне было плевать на все эти слова, я просто радовался, что Диана со мной, и каждый день доказывал, что она не зря меня выбрала. Со временем это куда-то подевалось, я привык, что она моя.

А вот теперь стою в напряге и думаю, не потому ли Диана меня игнорит.

— Может, помочь с машиной? — не успокаивается полупокер.

— Нет, спасибо, я сама. До завтра, Кир, — она машет ему рукой. Он отвечает тем же.

Развернувшись, Диана видит меня и тут же меняется в лице. Веселье испаряется, она хмурится и растерянно оглядывается по сторонам. Отличная встреча, ничего не скажешь!

Глава 2

— Привет, — обезоруживает одним словом. Я уже настроился на столкновение, собрался давить, а она одним приветствием меня размазала.

— Поговорим? — спрашиваю, удивляясь самому себе, потому что мне титанических усилий стоит держать себя в руках. Хочется варварски закинуть Диану на плечо, бросить в машину и укатить туда, где нас примерно вечность никто не потревожит.

— Давай, ты же по-другому не отстанешь, — она вздыхает так тяжело, что в моей груди что-то неприятно сжимается. Но вместе с тем растет и негодование. Почему я вдруг должен отставать от своей жены? У меня вообще был план на месяц вперед, а приходится подстраиваться под обстоятельства. Жизнь, чтоб ее, обожаемая и непредсказуемая.

— Без колкостей, Ди, я ни черта не понимаю, — подхожу ближе, по привычке тянусь к ее руке, но Диана прячет руки в карманы, отводит взгляд в сторону. Бьет сильнее, чем оглушает снаряд, потому что разрыв не снаружи, а внутри.

Перед глазами мелькают белые яростные вспышки. Жмурюсь и, сжав руки в кулаки, глубоко дышу. Сейчас не время давать эмоциям выход. Сначала надо разобраться, потом уже отрываться в зале или на спарринге. А лучше в постели с женой, но что-то мне подсказывает, что хрен мы туда в ближайшее время попадем.

Все-таки беру ее под локоть и веду в сторону своей тачки. Диана вряд ли сбежит, я скорее просто придерживаю, чтобы она не упала на скользкой парковке, даром что бизнес-центр, а песка насыпать не могут — прикатанный снег блестит в свете фонарей.

— Куда мы? — Ди не упирается, просто идет рядом, позволяя себя вести. Мне дурно от этой ее обреченности. Тотальное принятие — это последняя стадия, после которой человек ломается. Злость, борьба, истерики — это только начало, самая сочная верхушка. Смирение — финал.

— В мою машину.

— А моя?.. — спрашивает растерянно, оглядываясь на свою малолитражку.

— Потом с ней разберемся. Если что, пригоню, — бросаю раздраженно. Значит, машина ее волнует больше, чем я. Пиздец, приехали. Обалдеть радостно вернулся домой. Пыхчу уже как паровоз, каждая мышца в теле напрягается. Я как разъяренный бык перед корридой. Только вот если тореадор ждет, когда начнется представление, то Диана просто машет красной тряпкой не переставая, будто намеренно издевается надо мной.

— Я никуда не поеду с тобой, — она останавливается и не двигается. Я тоже торможу, поворачиваюсь. Мы напротив друг друга, глаза в глаза, у обоих искры полыхают — мои горячие и яростные, у Дианы — белые и колючие, как от бенгальских огней.

— Я и не прошу. Моя уже прогрета, будет теплее. Особенно если ты никуда со мной не поедешь. — Намеренно выделяю последнее предложение. Слова даже произносить больно, а слышать от нее — убийственно.

Почему ты отказалась от нас, Ди?

Снимаю сигналку и веду жену к пассажирской дверце, открываю и жду, пока она сядет. Это тоже наш привычный ритуал. Диана поджимает губы, тоже помнит. И вроде бы банальная вежливость, но для нас все гораздо глубже.

Тоже ныряю в салон. Спешу, потому что впервые в жизни боюсь, что Ди уйдет. Вот так, пока я буду обходить машину выйдет и моментально исчезнет. Идиотизм какой-то, даже если она решит уйти, далеко не сбежит. Она на каблуках, я нагоню ее в два счета, но сердцу не докажешь. В голове я уже проиграл худший сценарий. Это работа накладывает отпечаток — там всегда веришь и надеешься на лучшее, а готовишься к тотальному кабздецу.

Запускаю двигатель и врубаю печку на максимум. Наморозило перед Новым годом хорошо, праздник будет снежным, если снег продержится еще неделю. Диана снимает шарф и поправляет волосы. Она смотрит прямо, в лобовое, а я пялюсь на нее. Красивая, как с картинки или с обложки журнала. Жгучая брюнетка со смуглой кожей. Стройная, ладная. Я ее трогать хочу, обнимать, целовать, в руках сжимать. А приходится только стискивать руль сильнее.

Тишина оглушает. Мы тонем в ней, она вязкая, противная. Слишком много в нашем молчании таится. Я собираю слова в голове, чтобы они сложились в предложение, в котором нет претензий, хотя все мое поведение сейчас — одна сплошная претензия. Диана нервничает — тербит пальцами край шарфа. Вопреки всем доводам здравого смысла накрываю ее руки ладонью. Ди ледяная, включаю подогрев сиденья на максимум.

Внутри все переворачивается. Я дико соскучился, и ничто не изменит этого факта. Наше прикосновение ощущается как самое правильное явление в неправильном мире. Мы сталкиваемся взглядами. Смотрим, смотрим, смотрим. Ищем ответы друг в друге и не находим. Молчание растягивается как жвачка.

— Почему ты ушла? — голос вкрадчивый, я сжимаю ее руки сильнее.

Будто опомнившись, Диана вздрагивает и поспешно высвобождается из моей слабой хватки. Прижимает ладони к груди, дышит часто-часто, будто воздуха не хватает. Отключает подогрев. Взгляд мечется, но на мне не останавливается. Я замечаю все, тоже отпечаток службы. Как бы ни старался дома отключаться от работы, привычки все равно берут верх.

— Ты правда не понимаешь? — спрашивает, хмурясь, и наконец фокусируется на моем лице. В ее глазах стоят слезы.

Я готов убивать за каждую ее слезинку, но сейчас отчетливо понимаю, что все из-за меня. В петлю залезть охота, чтобы только не разбираться в происходящем. Я едва с ног не валюсь после бессонной ночи, которую мы провели в дороге, возвращаясь в часть. Потом стрессовый день, и этот разговор, добивающий окончательно. Кажется, если я усну, то просплю минимум сутки. Или не усну вообще, потому что дома не будет Дианы.

Тру виски пальцами одной руки.

— Нет, Диана, не понимаю. Я домой приехал с цветами, раньше на три дня, а у меня такой сюрприз. Как давно ты ушла?

— В понедельник.

А сегодня пятница. Моей жены не было дома целых пять дней. Я теперь вообще ни хрена не знаю. Меня даже в стране не было, не то что в городе. Что я удаленно мог натворить?

— И что стало причиной? — давлю, не унимаясь. Мне нужны ответы немедленно, без них я понятия не имею, что делать дальше.

— Я все знаю, Андрей. — Заебись ответ. Мне бы еще узнать все. — Она мне все показала, даже не постеснялась.

— Да кто, блин, она? — руль скрипит от того, как сильно я его сжимаю.

Диана закрывает глаза. Подбородок ее дрожит. Из-под опущенных век по щекам катятся слезы, падая на пальто. Я физически чувствую ее боль, но понятия не имею, с чем она связана. Мне сейчас так же плохо, как и ей. И я хочу помочь, справиться, защитить, оградить от всей жести. Знать бы только, за что хвататься в первую очередь, а с остальным разберусь.

Пульс стучит в ушах. Я жду. Боюсь трогать Ди. Она такая уязвимая сейчас, а я все еще бешеный. Сломать страшно. Она и так на грани, а может, уже за нею, и пора нырять без оглядки, чтобы поймать и спасти.

Ей, кажется, требуются все силы, чтобы сипло выдать следующие два слова, от которых в моих жилах стынет кровь:

— Твоя любовница.

Глава 3

— Кто? — спрашиваю, подаваясь вперед.

Диана шарахается и жметя к окну, боясь, что я снова вторгнусь в ее личное пространство. Я хочу, пипец как хочу встряхнуть ее и спросить, откуда такая дурость в ее голове, но вместо этого с силой сжимаю руль. Не удивлюсь, если сломаю и придется вызывать эвакуатор, чтобы добраться до ближайшего сервиса.

— Не заставляй меня повторять, пожалуйста, — говорит моя гордячка, а у самой голос дрожит. Больно ей, и я вместе с ней кровоточу. Она стирает слезы, с шумом втягивает воздух. Распрямляет плечи и, выдержав паузу, все-таки поворачивается ко мне. Смотрит прямо в глаза, сама горит, а меня не трогает.

Но я все равно вспыхиваю, потому что хуже беспочвенных обвинений нет ничего.

— Что за херь, Диан? Какая любовница? Ты же прекрасно знаешь, где я был, — и это уж точно неподходящее место для интрижки. Мне, собственно, вообще по боку на остальных женщин. Я знаю, что их много, некоторые из них даже хотят меня, но у меня в фокусе только жена. Я в нее девять с половиной лет назад как влюбился, так до сих пор нежно и трепетно. А оказывается, изменяю, епт.

— Там и нашел! — порывисто отвечает. — И не надо доказывать, что ничего не было! Я видела фотографии. Ты в полотенце с ней. Боже, я такая дура была, что верила тебе, а ты... — голос дрожит, последние слоги и вовсе оседают в горле. — Сколько у тебя еще их таких в твоих командировках? Эта хоть амбициозная оказалась, решила, что из семьи тебя увести хочет.

— Я, блядь, не телок, чтобы меня куда-то уводить, это во-первых. Во-вторых, у меня никого, кроме тебя нет. И в-третьих, что за фотографии? — приоритизация у меня, конечно, хромает, но ничего. Главное, что мы вроде как разговариваем, пусть и на повышенных тонах.

— Твоя прислала, — злится, едва не рычит на выдохе.

— Хватит называть какую-то рандомную бабу моей. Моя только ты.

— Нет, Андрей, — качает головой испуганно. — Я хочу развод, — бьет наотмашь.

Меня клинит на последнем слове. Развод. Война в личной жизни похлеще реального сражения. Там хотя бы понятно, против кого работать, а тут? Как вот против жены идти, когда любишь ее всем сердцем даже сейчас, когда Диана говорит абсолютную ерунду.

— Я тебя не отпущу, — заявляю уверенно, ни секунды не сомневаясь, что за Ди буду бороться яростнее всего в своей жизни.

Дышать. Сейчас только глубоко и ровно дышать. По крайней мере, стараться это делать. Упираюсь взглядом в лобовое, не получается на Дианку смотреть и успокаиваться, сегодня это не работает.

— Все можно решить в одностороннем порядке.

— Да я вижу, что ты уже все решила в одностороннем порядке. Что за презумпция виновности, Ди? Ты правда считаешь, что у меня есть время думать о ком-то еще на работе? — я там дышать не всегда успеваю, а когда получается спокойно вдохнуть, меньшее, о чем я думаю, это случайный трах. Там бы отоспаться да на связь с родными выйти по возможности. Но всю неделю я был нахрен никому не нужен дома.

— Не только думать! — агрессивно шипит на меня. Достает из кармана телефон, блокировку снимает не с первого раза, дрожащими руками не попадая в нужный кружок на экране. Пыхтит от злости, все же справляется, а потом тычет мне в лицо фотографиями.

На них и правда я в одном полотенце, а передо мной девушка. Сначала стоит, потом опускается на колени. Я хорошо помню эту ситуацию, она произошла незадолго до отъезда. Блядь. Если бы я только знал, что эта пигалица принесет мне столько проблем, ни за что бы не согласился взять ее в свой отряд. Я, собственно, не то чтобы и носом вертеть мог, сверху сказали — надо взять, поэтому действовал по приказу.

Диана прячет телефон. Смотрит на меня разочарованно.

— Опять скажешь, что я твоя единственная? — спрашивает обиженно. Не верит мне. Неважно, что я скажу, она все равно мне не поверит сейчас. И если пушу все на самотек, точно потеряю Ди. Как бы правильной дорожкой пройти? — Не оправдывайся, Андрей. Девочка мне даже сообщение написала, попросила не держать тебя и отпустить ради вашей с ней любви. Вот, отпускаю, иди на все стороны. Хоть к ней, хоть к какой другой.

Я не успеваю заблокировать двери — Диана открывает свою. Опускает ногу и отворачивается, собираясь уйти. Резким движением дергаю ее на себя, обхватив за плечо. В машину стремительно пробивается холод, но нас обоих колотит не от мороза.

— Хватит обвинять меня в том, в чем я не виноват! — кричу и снова бью кулаком по рулю, но злости меньше не становится. Она вообще никуда не девается, только растекается лавой под кожей, грозясь спалить меня дотла. А вместе со мной и Ди. — Ни с ней, ни с кем-то еще у меня ничего не было!

Диана распахивает глаза. Забывает сделать вдох. Смотрит на меня испуганно, как загнанный на охоте зверек, понимающий неотвратимость своей судьбы. Мне не по себе становится оттого, что пугаю ее, но быстро сбавить обороты не получается.

— Тогда что это? Фотошоп? Или она не стояла перед тобой на коленях? — стреляет в очередной раз. Сколько у нее боевых-то? Я ведь без бронжилета.

Собираюсь с мыслями. Думаю, как рассказать все так, чтобы звучало убедительно. Ну не поверит Диана в то, что девчонка сама на меня вешалась и сама себя предлагать пришла. Не знает она, как в военных лагерях бывает, когда каждый себе кусок жизни урвать пытается и принимает любую эмоциональную вспышку за великую любовь. Выставил я младшего лейтенанта из своей спальни некрасиво и думал, мы все забудем, а она дальше пошла. Ну ничего, я еще ей устрою сладкую жизнь, как пробка вылетит из моего отряда.

Мое молчание Ди истолковывает по-своему, вынося приговор без суда и следствия.

— То-то и оно, — поджимает губы, сдерживается, чтобы не разреветься.

— Все было не так, как ты думаешь, — дурацкая фраза, но других в моем арсенале нет.

— Не придумывай ничего, — произносит с такой усталостью, будто весь мир тащит на своих плечах. Разжимает мои пальцы, освобождаясь. — Я завтра подам заявление на развод. Вещи заберу позже.

Диана выходит из машины и, не попрощавшись, сбегает.

Глава 4

Сердце в крошево. Душа на лоскуты разорвана. До моей машины три парковочных места, а кажется — километры, которые я преодолеваю с большим трудом. Руки дрожат, да что там руки, все тело пробивает, так что едва попадаю по нужной кнопке на ключе сигнализации.

Сажусь в салон и сразу же завожу машину. Холод собачий, не удивлюсь, если заболело под Новый год.

Я ведь знала, что он придет. Что встретит с работы и устроит допрос. Андрей предскажем в своих действиях. Только моя реакция сбивает. Я-то думала, что встречу его с гордо поднятой головой в понедельник, ткну этими фотографиями злосчастными и уйду ровной походкой, а получилось, что сбежала, как трусливая девчонка, которая не смогла справиться с обидной правдой.

Боль разъедает. Меня будто в грязи выволокли, от которой не отмыться теперь.

«У меня никого, кроме тебя нет», — до сих пор стучит в ушах. Я даже на мгновение поверила, взгляд у Андрея потерянный был. И я тоже растерялась. Столько сил ушло, чтобы в руках себя удержать. Хотелось на шею броситься, обнять, поцеловать, как раньше. Мы много напортачили, ругались часто в последнее время, подобравшись к очередному кризису в отношениях. Я думала, что этот месяц, который он проведет дома, вместе проведем. А оказалось, что он предпочел в другой забыться. В девчонке какой-то совсем, она молоденькая, личико почти детское, как только в горячую точку взяли.

Из горла вырывается истошный крик. Падаю лбом на руль и реву. Истерика захватывает. Я как многозарядная бомба — взрываюсь каждый раз, стоит увидеть фотки перед глазами. Они, как назло, очень часто мелькают. И я снова плачу. Думала, слез не осталось, всю неделю рыдала, а их еще столько, что захлебнуться хватит.

Навзрыд. Пока всю боль не выплачу. Я ведь сдалась, почти сдалась. Если бы он меня обнял, не смогла бы сопротивляться. Это когда со стороны смотришь, кажется, что все так легко и человека можно просто вычеркнуть из жизни. А когда нужно девять лет выбросить, уверенность трещит по швам.

Пока Андрея не было, все как-то легче воспринималось: и грядущий развод, и будущее одиночество. Но стоило появиться, как я сломалась окончательно. Этот взгляд его еще... Умеет же смотреть прямо в душу. Меня когда-то этот взгляд и покорила, Андрей безошибочно определил мою боль и залатал рану.

Кажется, это в прошлой жизни было. Меня тогда парень бросал, некрасиво бросал, прямо посреди парка. Было лето, жара невыносимая, я в открытом платье и с душой нараспашку — ну кто в восемнадцать может быть озлоблен на мир? Толком и не помню, что Володя мне тогда говорил. Ерунду какую-то, что он со мной был только потому, что папа-генерал мог от армии отмазать. А потом ему повестка пришла, и все посыпалось. Я думала, он меня на свидание пригласил, чтобы последние дни перед службой вместе провести, но все вышло наоборот.

На нас все прохожие смотрели, кто-то даже останавливался и слушал, как Володя меня песочил, рассказывая, что во мне вообще ничего интересного нет — ни веселья, потому что я все время со своими конспектами ношусь, ни внешности, ведь плоская как доска.

— На тебя так ни один нормальный пацан не посмотрит, — бросил обидное. Я глотала слезы, не давая себе разрыдаться на людях.

— Уже посмотрел, — раздалось за спиной. Голос слишком взрослый, я вздрогнула и обернулась. Андрей, высоченный, огромный, в белой футболке в обликку. Он как-то сразу превзошел Володю по всем параметрам. — Солнышко, мне с этим убогим разобратся или ты великодушно его отпускаешь? — обратился ко мне. Улыбнулся широко и приветливо, будто мы и правда были знакомы. Подошел ближе, я обомлела, и слова из себя выдавить не могла.

— Что здесь происходит, Диана? — взбеленился Вова моментально.

— Вали отсюда, пока целый, — рявкнул на Володю Андрей, подходя ближе ко мне. — Узнаю, что ты пишешь или звонишь Диане, достану даже в армии. Понял?

Я тогда проплакала половину вечера на его плече, а вторую половину он кормил меня мороженым и рассказывал забавные истории. Андрей только-только попал на службу в СОБР, ждал, когда начнутся учения.

Он проводил меня до дома, мы обменялись телефонами, и с тех пор все закрутилось. Через неделю он познакомился с папой, почти моментально завоевал его доверие, правда, через три года я узнала, что отец тогда пробил его по своим каналам. Убедился, что можно доверить тогда еще лейтенанту Морозову дочь, и успокоился, быстро приняв зятя в семью.

Андрей всегда меня спасал и защищал ото всех. Даже от родителей, когда те пытались навязать свои правила в моей жизни. Он за меня горой стоял, а я за него. А теперь что?

Захожусь в новом приступе рыданий. Не успеваю вытирать слезы, их так много, а рукав пальто уже мокрый. Еще, как назло, шарф забыла в машине Андрея.

Стоит только подумать о том, забирать или нет, как в стекло осторожно стучат, а затем открывается дверца с моей стороны.

Передо мной Андрей, стоит с моим шарфом в руке. Долго смотрим в глаза друг другу. Я гадаю, как он мог так поступить. Он наверняка думает, что мне сказать.

— Ты забыла, — голос хрипит. Забираю из рук Андрея шарф. Его отчаяние ножом мое истерзанное сердце режет. Никогда не думала, что моральная боль может быть такой сильной.

— Спасибо, — киваю, позорно всхлипывая.

— Диан, — Андрей распахивает дверь шире и опускается передо мной на корточки. Берет мою руку, отогревает своей горячей. Прижимается к ладони губами. Остатки моего мира тоже рушатся. Я отчетливо ощущаю, как последняя опора ломается. Все, нет больше ничего. Это конец, точно он. — Диана, солнышко, я, блядь, не знаю, как доказать тебе, что я с ней не спал. Ты, блин, единственная все девять с половиной лет, — кожей чувствую взгляд Андрея.

Он стирает слезы, я вздрагиваю от прикосновения. — Прости, что приходится через это проходить, — еще один поцелуй на ладони. — Дай мне только шанс, пожалуйста. Я расскажу, как все было.

Мороз щиплет мокрые щеки. Я в шаге от того, чтобы поверить во все, что он скажет. Наверняка успел придумать убедительную историю.

— Один разговор, Андрей. И ты оставишь меня в покое.

Засомневавшись на секунду, кивает. Я знаю, что это ложь во благо. Сейчас он сделает все, чтобы я согласилась. А у меня попросту нет сил на сопротивление. Да и потом они вряд ли найдутся.

— Тогда поехали домой, — как пушинку, Андрей берет меня на руки. Я едва успеваю схватить свою сумку. До возмущений не доходит, мое возражение сметается командирским: — Дома. Все дома, малыш. За руль в таком состоянии я тебя не пушу. Доедем и обо всем поговорим.

Глава 5

Едем в тишине. Андрей бросает на меня взгляды, стоит мне всхлипнуть. Ничего не могу с собой поделаться, слезы все льются и льются. Они будто копились, чтобы теперь, стоило появиться зрителю, без остановки бежать по щекам. И ничего не помогает. Я уже и считалочку считала, и искала желтые встречные машины. Все мимо, потому что Андрей рядом. Воздух между нами звенит от напряжения, отделяет друг от друга стеной. И слава богу, что она есть.

Смотрю на дорогу, тереблю шарф в руках. Между ребер жжет, ничего не могу поделаться. Фотографии все еще ярче слов. Я, наверное, дурочка, раз еду с ним. Все же ясно как белый день — позы слишком откровенные, чтобы можно было поверить в то, что между ними ничего не было. Но я почему-то хочу верить Андрею. Очень хочу. Смотрю на него, и сердце сжимается болезненно. Какая кошка между нами пробежала-то, что он так?.. Хотя знаю какая, блондинистая, крепкая, про таких говорят кровь с молоком.

Зажимаю рукой рот, чтобы только не выдать новую порцию рыданий. Хватит унижаться еще больше, и так перед Андреем едва не ползаю. Утешать позволяю, везти себя куда-то. Сильные женщины так не поступают. Они бросают неоспоримое решение в лицо, а когда за их спиной закрывается дверь квартиры, съезжают по стенке вниз, заходясь в рыданиях. Я слабачка, не выдержала так, разревелась раньше.

— Диан, — отвлекает от мысленного самобичевания вкрадчивый голос Андрея. — Закажи, пожалуйста, домой еду, там вообще ничего нет, я не успел заехать в магазин, — он протягивает мне свой телефон, и я по инерции тоже руку тяну, но останавливаюсь и сжимаю ладонь в кулак.

Нет-нет-нет. А что если я увижу там то, чего видеть не следует? Точнее, то, к чему я буду не готова? Качаю головой, давая понять, что к его мобильному не притронусь. Странные мы, наверное. Я вместо того, чтобы закатить истерику, почти согласилась заказать ему продукты. Андрей тоже не психует, спокойно везет меня в квартиру, где мы были очень счастливы. Как-то не так я себе представляла рушащуюся жизнь. Я думала, это будет фильм-катастрофа со взрывами, крушением. А оказалось, что это обычная драма, в конце которой герой просто уходит из этого мира, лежа на диване в своем доме. Никакого накала, никакого мирового апокалипсиса — все тихо и спокойно, даже треск ломающихся судеб не слышен.

— Я сделаю заказ со своего, — выдавливаю из себя улыбку, но она выходит слишком дерганой.

— В моем нет ничего страшного, — мягко возмущается Андрей.

— Не хочу испытывать судьбу, — обхватываю свои плечи. Несмотря на работающий подогрев и шпарящую почти на максимум печку, мне вдруг становится холодно. — Тебе готовую или продукты?

— Лучше продуктами, но не хитровыдуманными. А вообще как будет удобнее. Так, чтобы и на завтрак хватило, а потом я уже разберусь, — Андрей тоже ставит точку, принимая мои условия. Я не знаю, чего от него ждала, но слова отзываются новым приступом боли.

Заказываю сосиски, пару круп, молоко, яйца, хлеб, пельмени и три порции готовых сырников. Одной Андрею будет мало на завтрак. Складываю заказ в корзину. В приложении еще старый адрес. Как переехала, не делала доставку, потому что магазин всегда был по пути с работы, да и приезжать с пустыми руками как-то невежливо, когда бесплатно оккупировала комнату в чужом доме.

Оформляю, и мой телефон тут же звонит. Андрей выключает музыку. Я долго смотрю на экран, но все-таки отвечаю, мне ведь хватит сил справиться с младшей сестрой, если она начнет меня отчитывать за то, что уехала с пока еще мужем.

— Привет, Ди, ты задерживаешься, что ли? Мы тебя ждали, ужин уже готов, но пока не сели.

— Н-нет, я закончила работать уже, — выдавливаю из себя несмело. Боже, это ведь Марина, которую я знаю с рождения. Я рыдала всю неделю ей в плечо, она уж точно меня поймет, а я сказать не могу!

— О, супер! Заедешь тогда в магазин, я сброшу, что нужно взять. Мы забыли, а Вадим уже выпил и за руль не сядет, — голос у Ринки бодрый и веселый, впрочем, как и всегда. Я видела ее в печали только когда у них с мужем — тогда еще парнем — ссоры были. А до и после она самая счастливая девочка на планете.

— Я пока не приеду.

— Что-то случилось? Ты в порядке? Где ты? Вызвать кого-нибудь?

— Нет-нет, не надо. Я нормально, — спешу заверить. Андрей прислушивается к нашему разговору, я досадливо поджимаю губы. Не люблю, когда он так делает. Вроде бы и не выдает себя, спокойно ведет машину, но я научилась считывать его напряжение и сосредоточенность. Спецназ на задании, пусть поле боя и осталось где-то далеко. — Андрей приехал, я с ним.

— И что он, лапшу тебе на уши вешает? — выступает в мою защиту сестра. С Морозовым у нее хорошие отношения, но стоило всему произойти, как Ринка моментально поменялась, поддержав меня. Я благодарна ей за все: и за то, что приютила, и за то, что плечо подставила, и еще за то, что родителям ничего не рассказала. Они Андрея обожают, сыном считают, поэтому точно не поймут.

— Нет. Хочет поговорить.

— Ладно, — вздыхает обреченно. — Но ты сходу не верь. Сначала подумай и разберись во всем. Если что, звони, поеду тебя спасать.

— Спасибо, Рин, — улыбаюсь и, попрощавшись, отключаюсь. Тут же попадаю под внимательный взгляд мужа. Мы подъезжаем к дому, сердце сбоит. Тяжело сюда возвращаться. Я бежала без оглядки, потому что невыносимо было жить в месте, где все напоминает об Андрее. — Это сестра, — поясняю, хотя он и так должен догадаться. — Я сейчас у нее живу.

— Далеко ты перебралась, — хмыкает и проводит пятерней по волосам. — Обратно домой переезжать вообще не планировала?

— Нет. Это твоя квартира, будет справедливо, если съеду я, — формально, конечно, это совместно нажитое, но нам жилье досталось от бабушки Андрея — тогда еще единственной живой родственницы. И у меня просто духу не хватит отобрать последнее напоминание о семье, потому что у него никого больше нет.

— Это наша квартира, Ди. Без тебя она мне не нужна.

— Не говори ерунды. Своя жилплощадь — это всегда плюс.

— Не когда она достается ценой семьи.

Андрей аккуратно паркуется, первым выходит из машины. Я не жду, когда он откроет для меня дверцу, открываю сама, и мы едва не сталкиваемся носами, потому что он уже передо мной — протягивает руку, но я едва заметно качаю головой, давая понять, что справлюсь без помощи. Мне теперь со многим это предстоит. Машина — меньшее из зол.

— Это, кажется, твой курьер, — замечаю парня в ярко-розовой куртке и с такого же цвета рюкзаком.

— Тогда пошли. Не будем заставлять парня мерзнуть.

Глава 6

Никакие отвлекающие маневры не срабатывают. Диана снова погружается в себя и медленно съедает изнутри. Ставлю перед ней кружку с чаем,двигаю ближе печенье по кофейному столику, но она ожидаемо ни к чему не притрагивается. Сидит в кресле, подтянув колени к груди, на меня по-прежнему не смотрит и просто ждет.

Я хожу туда-сюда по комнате. Правда на моей стороне, вот только легче от этого не становится. Не нужно Диане знать всех подробностей, было и было, эта ситуация не красит ни меня, ни девчонку. Да и рассказывать жене, как тебя пыталась склеить другая, как-то нехорошо. Но я обещал, поэтому, набрав побольше воздуха в легкие, останавливаюсь напротив Дианы и, поймав на долю секунды ее потерянный взгляд, сажусь перед ней на пол.

— Девушка на фотографиях — Ангелина, это был ее первый выезд. Ее к нам по приказу определили, отказаться было нельзя. Точнее, их двое, она и подружка. Полагаю, вторая как раз и снимала нас, — Диана морщится на этих словах. Я тоже. Если все так, как я предполагаю, то ситуация выходит отвратительная со всех сторон. На работе мы друг за друга горой, каждый безоговорочно доверяет другому. И о каком доверии может идти речь, когда в любой момент может случиться такая подстава? — Она то ли сестра, то ли племянница полкана. В общем, надо было нянчиться. Я присматривал, где-то подсказывал, где-то учил. На нее мужики заглядывались, я посоветовал быть осторожнее.

У нас достаточно тех, кто с легкостью выберет полчаса удовольствия без лишних обязательств. И не все могут сдержаться потом. Начали бы таскаться за девчонкой. В общем, пригрозил, если узнаю, что с кем-то шашни крутит, вылетит из отряда как пробка. Она решила, что я так заявил права и приревновал к другим. Я, правда, не сразу это понял, как-то мне не до эмоций там. Лина уезжала раньше, чем мы все. Девчонок перебрасывали на другое направление. Я в тот день только вернулся с выезда в лагерь. Жара пипец, поэтому первым делом в душ. Мы как-то не до конца привыкли к женской компании, поэтому часто забывались. Я вот в полотенце через весь двор шел в свою комнату за чистой одеждой.

Лина ждала меня в спальне. Сказала, что зашла попрощаться, полезла целоваться, но я ее остановил. Вежливость помогала плохо, девочка решительно настроилась, — откашливаюсь. Провожу пятерней по волосам, тру шею. — Диан, не надо тебе это. Просто поверь, что ничего не было.

— Давай я сама решу, ладно? — сделав глоток остывшего чая, возвращает кружку на место. Наконец смотрит на меня, но во взгляде холод, пробирающий до костей. — Продолжай, пожалуйста.

Выдыхаю шумно. Молчу, думаю, как бы все так рассказать, чтобы не краснеть перед женой. Бред полнейший! Я об этом даже вспоминать не хотел, закончилось, и нормально. А теперь обратно нырять в болото.

Сжимаю пальцами переносицу. Ди не торопит, она молчит, даже не смотрит в мою сторону, снова на фонаре за окном сосредотачивается, разом закрываясь от меня на все замки,

которые у нее есть. Она отдаляется, хоть и сидит на расстоянии вытянутой руки. И я только сейчас понимаю, как странно выглядит мое молчание со стороны.

— В общем, Лина решила, что надо быть смелее. Опустилась на колени, но дальше я ждать не стал — схватил за волосы, чтобы в чувство привести и напугать, это ты на фотке видела, и некрасиво вытолкал ее из комнаты. Блядь, Диана, если бы ты сказала мне сразу...

— Что? Ты бы вышел на связь? Ты не звонил и не писал всю неделю, значит, был занят. А после фотографий стало понятно, кто для тебя важнее, — она пожимает плечами. Вроде и приговор не выносит, больше рассказывает о том, как себя чувствовала тогда, но ощущение все равно будто в грязь вывалили.

— Ты для меня важнее, поняла? — подаюсь вперед и обхватываю ее лицо ладонями. Держу крепко, ловлю взгляд, не позволяя отвести. Вот так, как в старые добрые, друг другу все честно и открыто говорим. В ее глазах уже нет слез, она успокоилась и теперь просто принимает все, что я говорю. Пока не знаю, хороший это знак или плохой. — Всегда только ты, Диана. Хватит беспочвенно меня обвинять, — внутри все бурлит от злости. Ненавижу оправдываться, и Ди знает это лучше, чем кто-либо еще. Наверное, поэтому подвергает меня этой адской пытке. — Кстати, дай номер, с которого тебе фотографии пришли, — увожу разговор в другую сторону.

— Окей, — кивает и, отведя мои руки, тянется к карману за телефоном. — Только один вопрос. Ты ее хотел?

Это явно из тех, которые со звездочкой в конце параграфа. Вот умеет же слова подбирать. И неважно ей, было или не было. Ее вообще другие уровни интересуют. Хотел ли. Пиздец, блядь.

— Нет, — отвечаю честно. Не привлекает меня никто, кроме жены. Вот такой вот каблук.

— Ты рассказывал, что трахаться хочется, особенно когда долго там, — прищуривается, ментально сжимая мои яйца в кулаке. Что за женщина! Надо язык за зубами держать и не рассказывать лишнего, хотя я помню, как зашел этот разговор, мы тогда на даче отдыхали всем составом, подвыпили и понесло нас делиться воспоминаниями.

— С тобой, а не с кем попало, — я и сейчас за две секунды заведусь, но Дианка не оценит.

Поднимаюсь. Ди тоже встает, суетливо оглядывается. Быстро пересылает мне номер, слышу, как в кармане куртки в прихожей пиликает входящее сообщение. Мы едва не сталкиваемся носами, даже зависаем на пару секунд напротив друг друга. Руки тянутся к Диане, но она отступает первой, увеличивая расстояние между нашими телами. Я втягиваю тяжелый воздух, к которому примешался аромат ее духов.

— Я пойду. Спасибо, что все рассказал.

Глава 7

Развернувшись, спешу в прихожую. Сердце колотится в груди, скоро сломает ребра. Стараюсь дышать глубже, но получается плохо — меня отвлекает Андрей, следующий по пятам. Он с момента нашей встречи сегодня как привязал меня к себе ментально, так и не отпускает, и неважно, какое между нашими телами расстояние.

— Куда ты? — летит мне в спину. Я останавливаюсь напротив зеркала в прихожей. Потев от туши нет, глаза только опухшие, но это меньшее из зол.

— К сестре. Я пока у нее живу, — стараюсь звучать мягко, но получается то ли растерянно, то ли испуганно.

Я не знаю, чего Андрей от меня ждал. По задумчивому хмыканью за спиной подозреваю, что точно не этого. Поправляю прическу, убираю прилипшие к щекам волосы. Гигиеничку не достаю, краситься на виду у Андрея будет перебором.

Сердце не на месте. Оно не хочет уходить, но при этом и не дает остаться. Одновременно хочется сбегать подальше и утонуть в объятиях. Накричать, выплевывая всю обиду в лицо, и вжаться в губы своими.

После рассказа моя уверенность в виновности Андрея пошатнулась. Я ведь и раньше знала, что на него засматриваются многие девушки. Он их аккуратно отшивал, потому что со мной был, а я никогда не сомневалась в его верности. До этих дурацких фотографий.

И я теперь в полнейшей растерянности. Что делать? Как быть? Довериться или все же нет? Я не привыкла бежать от Андрея, обычно всегда наоборот, к нему. Он защищал меня ото всех, ему можно было все что в мыслях рассказать. Он понимал, поддерживал, находил решение. Я привыкла, ужасно привыкла во всем в жизни полагаться на него, а теперь самой приходится расхлебывать. И выводы делать, и предположения строить, да и просто дальше существовать — жизнью новые реалии назвать язык не поворачивается.

— И это все? Ты ничего не скажешь? Я думал, ты останешься, и мы обо всем поговорим.

Закрываю глаза, под веками печет. Губы кусаю, обдумывая ответ. Мы ужасно меткие в своих словах.

— Нет, не останусь, — глубокий вздох не помогает. Мне срочно нужен свежий воздух. А еще не помешает быть от Андрея как можно дальше, я рядом с ним плохо соображаю и ломаю все установки, которые успела выстроить за целую неделю.

— Считаешь, мы все обсудили? — он делает шаг, протягивает ко мне руку, а я отскакиваю, как от кипятка.

Я дышу часто-часто. Глаза округляются от страха. Прижимаю руки к груди. Андрей замирает на месте, даже пошевелиться боится. Думает, я его испугалась. А я не этого... себя больше. И того, что пойду на поводу чувств.

— Не все, но сегодня мы не будем больше ничего обсуждать. Я неделю жила с мыслью, что ты мне изменил. У меня все перевернулось с ног на голову. Я ни спать, ни есть нормально не могла. Все думала-думала-думала...

Прячу стоящие в глазах слезы, отворачиваясь. Прикладываю ладони к щекам. Хватит уже перед Андреем рыдать. Надо держать себя в руках.

— Ну куда тебе в таком состоянии ехать? — психует, бьет кулаком дверной косяк. Подходит ближе. Лопатки жжет от пристального взгляда. Андрей останавливается за моей спиной, опускает руки на плечи, сжимает легонько, но я все равно всхлипываю. Тело меня предает, потому что я отчетливо ощущаю тоску.

— Я на такси, — выдаю в ответ. — Свою уже в понедельник заберу, — у меня сил не хватит доехать до коттеджного поселка, где живут Марина и Вадим, пока я в таком раздрае.

— Я отвезу, — звучит железобетонно. Сталь в голосе сметает любое сопротивление, которое еще даже не успело зародиться. Но я не оставляю попыток попрощаться на пороге квартиры. Не хочу больше свои нервы испытывать.

— Не надо, Андрей, — разворачиваюсь резко. Смотрю на серьезное лицо. Помню, как в первую нашу встречу именно этот хмурый взгляд меня и напугал. А потом я привыкла, разглядела, что прячется за этой серьезностью, и влюбилась без оглядки. Так сильно, что теперь едва могу собрать себя по частям. — Я благодарна тебе за то, что рассказал свою версию, но...

— Свою версию? У тебя есть чья-то еще? — летит в ответ недовольное. Андрей наступает. Злющий до невозможности.

— Нет, но я была бы не против услышать вторую сторону.

Андрей молчит, только смотрит на меня. Взгляд тяжелый, таким размазать по стене недолго. Я, наверное, шагнула за черту, которую никогда нельзя пересекать. Показала, что не верю, хотя я и сама толком не понимаю, что чувствую.

Переминаюсь с ноги на ногу. Сердце скоро не выдержит разгона. В затылке иголками колет вина. Хочу броситься Андрею на шею, и будь что будет. Пусть сделает что-нибудь. Хоть что-то, чтобы я поверила, чтобы поняла, что любит меня и всегда только меня любил.

Боже, я такая дура жалкая! Мысленно уже растеклась перед ним сметаной. Ни гордости, ни чувства собственного достоинства. Такие обычно измены и прощают. А я не хочу. Не могу. Понятия не имею, как любить человека, который предал мое доверие. Да и вообще стоит ли его продолжать любить, если он этого уже не заслуживает? Я не об Андрее сейчас. В мыслях каша сплошная, все путается, и мне нужна тишина и одиночество, чтобы во всем разобраться.

— Я хочу тебе верить, правда, но один разговор не вернет все на круги своя, — произношу миролюбиво и искренне. Как камень с души.

— Подскажи, что вернет, Диана, — улыбается, наверное, впервые с момента нашей встречи. В моей груди теплеет, но температура быстро падает до отметки арктического холода — не получается до конца от произошедшего отстроиться. Андрей снимает с вешалки свою

куртку и достает из рукава шапку. — Мне будет спокойнее, если я отвезу тебя сам. Я уже понял, что со мной ты не останешься, и пока не буду ни на чем настаивать.

— Пока? — цепляюсь за слово, которое хоть и было произнесено бегло, задело меня сильнее остальных.

— Ага, — кивает невозмутимо. — Мы едем или ты передумала? — моментально переключается, не давая нам обоим задуматься над как бы невзначай брошенными словами.

— Едем, конечно.

Глава 8

Мы выходим из подъезда, машина на автозапуске, салон уже греется. Кутаюсь в шарф, пряча лицо от мороза. Впервые за несколько лет Новый год будет снежным. До него всего ничего осталось — неделя, которая не пройдет, а пролетит. В понедельник встреча с клиентом, презентуем ему проект, над которым будем работать весь следующий год. Во вторник едем с Ринкой на скрининг, у нее плановый, а муж не сможет свозить. В среду — ужин у родителей, где традиционно собираются все родственники и соседи, это репетиция Нового года, правда, сам праздник проходит гораздо скромнее в тихом семейном кругу. В четверг у меня корпоратив, а в пятницу день заготовок, когда придется отстоять огромные очереди в магазинах, чтобы только приобрести все по списку.

Андрей открывает передо мной дверь, возвращая в реальность. Ни в одном из дней на следующей неделе нет моего мужа. Это, наверное, к лучшему. Я не знаю, сколько времени мне понадобится, чтобы сопоставить новые факты. Может, хватит сегодняшней ночи, а может, потребуется целый месяц. Тяжело в один момент себя перекроить. Я же правда подумала, что он изменил, даже не допустила мысли, что это подстава. Ну кто в современном мире станет заниматься подобным? Это ведь дурость какая-то. Да и у нас все шло наперекосяк, мы слишком мало времени стали уделять друг другу, поэтому другая женщина казалась вполне реальной.

Вокруг Андрея всегда кто-то вертелся, либо сослуживицы, либо просто незнакомки. Он никогда не давал им повода думать, что между ними что-то может получиться, а мне — ревновать. Но все бывает в первый раз.

Это сейчас по его словам, по тому, как ведет себя, я все больше убеждаюсь в том, что ничего не было, а в тот роковой понедельник голова совсем иначе работала. И не разобраться ведь. Андрей недоступен и обычно сам звонит. Да и не стала бы я по телефону все выяснять, поэтому действовала насколько могла радикально — уехала к сестре. А там уже разревелась. Душу изливала, не понимала, как он мог так поступить. Ринка сказала не рубить с плеча, но остаться у себя разрешила. Они с Вадимом настаивали на том, что мне стоит поговорить с мужем. Я убедила их тоже не пороть горячку — он неизвестно где и неизвестно в каких условиях, побеспокою его сейчас — нарушу психологическое состояние бойца. Даже на краю пропасти я не могла не думать о нем и о том, что в его работе за невнимательность платят жизнью.

Мы снова едем, на этот раз под музыку. Андрей не пытается заговорить, я тоже молчу. Смотрю в окно, мелькают дома и витрины магазинов. Вечер пятницы — все суетится перед выходными, на улицах, несмотря на мороз, девчонки в коротких юбках и капронках. Я тоже такой была когда-то, сейчас с наступлением холодов перестаю играть в моду до весны. Помню, было холодно, Андрей позвал на свидание, а я вырядилась в платье и телесные колготки, которые ни капельки не грели. Андрей меня тогда пожурил мягко, и мы весь вечер просидели в кафешке, я — возле батареи, чтобы не замерзнуть. Домой ехали на такси, столько денег потратили по тем временам, представлять страшно. Мне стыдно было, я хотела со стипендии Андрюше отдать, а он сказал, что с будущей жены денег не возьмет.

Интересно все тогда начиналось. Даже не верится, что такую большую любовь потерять можно, что она рассеется во времени, будто ее никогда и не было.

Стираю горячие слезинки, они скупые, но оттого ощущаются еще болезненнее. Андрей замечает, протягивает руку и сжимает мои пальцы.

Нам осталось ехать всего ничего, скоро будет шлагбаум. Я давно написала Марине, она договорилась, чтобы нас пропустили на КПП.

— Диан, не реви, — Андрей силится улыбнуться, но выходит скверно. Мы оба вымотались. Разговор по душам оказался тяжелым. Я позволяю ему держать свою руку. Мне и самой как-то спокойнее. Странно все это — мы ругаемся, я развод просила, а получается, что сама сейчас не готова отпустить. Андрей моя опора, он был ею слишком долго, и я пока с трудом понимаю, как без этого жить, поэтому и цепляюсь за наше взаимодействие. — Мы все равно будем вместе, я тебя не отпущу. Только сегодня оставляю у Беловых, и то я бы этого очень не хотел. Ну кто в этой ситуации успокоит тебя лучше меня?

— Мне нужно подумать обо всем одной, — обиженно озвучиваю протест. Не смогу я сейчас рядом с Андреем быть, он сердце мое на части рвет. Дышать больно, потому что везде — он.

— Ну и думала бы в спальне, — невозмутимо заявляет Андрей.

— И что мы весь этот путь проделали, чтобы развернуться и поехать обратно? — спрашиваю, отбрасывая его руку. Дурость какая-то. Сначала со всем согласился, теперь вдруг решил воспротивиться. Кто так вообще делает?

— Да похрен. Развернемся, ты только намекни.

Я смотрю на Андрея и не верю, что он это сказал. Вот так легко? Что тогда было все это время? Он давал мне остыть?

К счастью, отвечать не приходится — звонит мой телефон. Смотрю на экран, мама. Не вовремя как-то. Показываю Андрею, он кивает и выключает музыку. Глубоко вздохнув, принимаю вызов.

— Привет, мам, что-то срочное? Я не дома, — выдаю сразу, потому что если не рассказать, она задаст тысячу и один вопрос. Я уже привыкла, ее не переделать, поэтому проще подстроиться под обстоятельства.

— Что значит не дома? А где? Подожди, ты едешь, что ли? — вылетают вопросы один за другим. Это еще скромно, и я улыбаюсь.

— Да, в дороге, — не спешу раскрывать все подробности, сама не знаю, что можно рассказать. Я не говорила, что живу у сестры. Мама с папой в гости редко навещают, да и не стоило им про недомолвки рассказывать. Они Андрея как сына любят, я не спешу развеивать светлое чувство.

— Ох, Дианка, поздновато для поездок за рулем, — причитает мама. Слышу, как наливает в кружку чай и улыбаюсь. Она у меня такая — как разволнуется, ищет, чем руки занять. — Может, с папой поговорить, чтобы он поспособствовал Андрюшину переводу хотя бы в городской спецназ?

— Мам, это не мне решать, ты же знаешь.

Андрей хмурится, притормаживает недалеко от шлагбаума, но близко пока не подъезжает. Смотрит на меня внимательно, догадываясь, что разговор идет о нем. Я пожимаю плечами.

— Зато одна бы сейчас не ездила! — возражает мама, не унимаясь.

— Я и не одна, мам. Андрей сегодня приехал.

Ни капли не жалею, что сказала об этом. Мама все равно каким-то образом узнает. Андрей ведь наверняка в сети мелькнет, мама заметит. Потом начнет обижаться, что не сообщили ей.

— Ой как хорошо! Так вы вместе?

— Да-а-а, — тяну и тяжело вздыхаю, закатывая глаза. Андрей усмехается. Он поворачивается ко мне, рассматривает жадно, будто запомнить пытается. Я неловко ерзаю на сиденье. Мы почти в темноте, от нас только очертания, но мне кажется, он каждую мою морщинку видит.

— А передай-ка ему трубочку. Раз приехал, хочу кое-что спросить.

Дрожащими руками передаю телефон. Тихо шепчу «Она не знает». Никто, кроме Беловых, не в курсе. Я о таком распространяться не спешу. Да и как-то нехорошо разводиться за спиной у мужа. Андрей кивает и вполне себе мило общается с тещей, будто у нас обычный семейный вечер.

— Конечно, будем. Завтра заедем. Лады. Увидимся!

Он отключается, возвращает мне мобильный, смотрит с улыбкой. Довольный как объевшийся сметаны кот. О чем они успели поговорить? Я не вслушивалась, а теперь жалею.

— Что значит «завтра заедем»? — решаю подать голос. Интуиция подсказывает, что Андрей подразумевал нас обоих.

— Твоя мама попросила наколоть дрова для бани, бате некогда.

— Ты не обязан...

— Что не обязан? Помогать семье? Глупости не говори, Ди, — обрубает жестко, не давая закончить мысль. Воздух снова тяжелеет, опять мы начинаем сражение. И я совершенно не уверена, что выиграю его. Мне попросту не хватит сил, все они остались там, в квартире. — Она ждет нас обоих, уверен, еще напишет тебе кучу сообщений.

— И что мы будем там делать?

— Я — заниматься дровами, ты — тем, что придумает мама, — непонимающе бормочет Андрей.

— Я не об этом! Я говорила, что хочу развестись, с тех пор прошло не так много времени.

— А я говорил, что не отпущу. И это не просто красивые слова.

Я знаю. Нет, я даже уверена, что не отпустит. Андрей никогда не разбрасывается словами, каждое произнесенное — важно. Понятия не имею, как он планирует меня держать, и от этого только волнительнее.

— Я не хочу притворяться и играть в счастливую семью.

— Не надо. Мы просто будем ею.

Андрей не ждет от меня ответа — заводит машину и в абсолютном молчании довозит до дома Марины и Вадика. Я выбираюсь из салона сама, Андрей тоже выходит, чтобы проводить до двери. Достая ключи, долго копошась в сумочке, у меня есть комплект. Нужно просто открыть замок и спрятаться за калиткой. Там будет спокойнее. Мы просто отдалимся друг от друга, и я наконец подумаю обо всем в полной тишине.

— Я заеду за тобой в одиннадцать, — говорит Андрей, когда я открываю калитку. Та натужно скрипит, я поджимаю губы, тараща в одну точку.

Будь во мне чуть больше наглости, я бы предложила Андрею поехать одному к своим родителям. Вот так запросто, без всяких угрызений совести. Но у меня быстрее язык отсохнет, чем я это произнесу.

— Тебя не пропустят на КПП, — улыбаюсь, находя отличную причину не ехать.

— Я договорюсь с Вадиком.

— Это нечестно.

— Ночевать на другом конце города, когда муж вернулся из командировки, тоже нечестно. Все, Диана, не пытайся ничего придумывать. Завтра едем к твоим. Постарайся сегодня себя не грузить. Если захочешь поговорить — звони в любое время.

— Спокойной ночи, Андрей, — прощаюсь и в полной уверенности, что ни за что не позвоню мужу, спешу к дому, на крыльце которого загорается свет.

Глава 9

После бессонной ночи утром я еле поднимаю себя с кровати. Организм требует еще как минимум четыре часа сна, но я уже на ногах. Высушила и уложила волосы, нанесла легкий макияж и выбрала самый целомудренный свой наряд — белый свитер с высоким горлом и свободные брюки.

С девяти непрочитанным болтается сообщение Андрея о том, что все в силе и он будет вовремя. Там еще пожелание доброго утра и вопрос, как я. Наверное, я поэтому и не отвечаю. Черт знает, как я. Сегодня тучи в моей жизни не такие густые и огромные. О солнечных проблесках говорить пока рано, но графитовые будни сменились светлой серостью.

Утром все кажется не так печально, как было вчера. Да, больно. Да, сложно смириться с буйством эмоций, но где-то глубоко в душе разгорается крохотный огонек надежды. Я, наверное, наивная до ужаса, раз верю... хочу верить Андрею.

Взяв телефон, иду на кухню. Там Ринка суетится, жарит сырники. Запах фантастический, сразу в животе урчать начинает. Вадим стоит за спиной Марины, обнимает ее, гладит круглый живот. Совсем скоро узнаем, кто там — мальчик или девочка. Они меня не замечают, и я улыбаюсь. Слезы на глаза наворачиваются: я счастлива за сестру и одновременно печальна, что меня подобной радостью не наградили. Вадим что-то шепчет ей на ухо, Ринка улыбается, даже посмеивается. Я ощущаю себя лишней на этом празднике жизни. Они должны делить такие моменты на двоих, не думая, что я в любой момент могу нарушить их уединение.

— Накрой пока на стол, Вадь, — Марина уворачивается от очередного поцелуя и, улыбаясь, переворачивает сырники. — Тарелки, вилки, — мягко подсказывает мужу. Я каждый раз удивляюсь, что моя сестра-оторва стала такой нежной женщиной в браке. Иногда, конечно, она вспоминает о своей истинной сущности, и тогда Вадиму приходится несладко.

— Доброе утро, — решаюсь подать голос, хоть и неловко мнусь в дверях.

— О, привет, Ди, садись, почти все готово, — она взмахивает рукой.

Я забираю из рук Вадима тарелки, расставляя их по местам, разливаю по креманкам варенье и стуженку, которые стоят на краю стола.

— Я завтра поговорю с Русланом и попрошу его освободить квартиру. Не хочу вас больше стеснять, — произношу твердо. Я думала об этом со второго дня. Люблю свою сестру, но не могу злоупотреблять гостеприимством.

— С ума сошла? — возмущается Ринка, выключая плиту.

— Тебе необязательно торопиться, — на правах главы семьи заявляет Вадим. — Ты нас ни в чем не стесняешь. Живи здесь сколько потребуется.

— Да-да, и мне так спокойнее, когда Вадика дома нет. Не одна, не скучно, — Марина подходит ближе ко мне и протягивает руки, собираясь меня обнять. — Совсем тебе грустно, да? — спрашивает тихо, так что я поджимаю губы и киваю.

— Я, кажется, налажала, поспешив с выводами, — пожимаю плечами, а у самой в душе раздрай, а в голове ни одной мысли, что делать дальше.

— Так, не торопись с выводами, красotka! — журит меня сестра, но все же обнимает. Мы вчера с ней целый час болтали на кухне. Ей не спалось, а я только приехала. Выпала все как на духу, тяжело в себе держать, когда эмоции через край. Марина успокоила, напоила меня чаем и отправила спать. А сегодня продолжает поддерживать. — Говорить можно что угодно. Мы в слова уже не верим, нам нужны доказательства. Так?

— Ага.

— Ну вот. Значит, пусть доказывает. Правильно, Вадик? — подключает тяжелую артиллерию.

— Это не нам с тобой решать, Риша, а Андрею и Диане. Если нужны доказательства, Диана вправе их потребовать, ровно так же, как и Андрей вправе отказаться их предоставлять, если он и правда тебе не изменял. Жизнь строится на доверии, — Вадим как всегда спокойный. Его вообще сложно вывести на какие-либо эмоции. Только у Марины получается, но потом он все равно возвращается к спокойному состоянию.

Вадик прав. Я бы хотела знать наверняка, увидеть, как эта Ангелина оказалась выпшвырнута из комнаты, не получив желаемого. Я бы хотела разделить чувства Андрея в тот момент, чтобы окончательно все для себя понять. Но это невозможно. У меня есть только его слова. И раньше мне всегда было достаточно, потому что я безоговорочно ему верила. А теперь не выходит.

— Доверяй, но проверяй, — возмущается Марина в ответ. — Пословицу не зря придумали.

— Ага. Ты только в шпионов не играй, о другом думай, — выразительно кивает на ее живот.

Мой телефон звонит. Андрей. За двором слышится шум машины. Наверняка подъехал. Бросаю взгляд на часы. Без пяти одиннадцать. Быстро время пробежало, мы даже не позавтракали. Но, может, это и к лучшему? Оставляю утро для Рины и Вадика.

— Бесят эти пунктуальные вояки, — Марина закатывает глаза, намекая на мужа. Вадим не одну лекцию об опозданиях ей прочитал в свое время.

— Не спеши, Диана, — Вадик идет к двери.

— Ты куда?

— Перекурю. Заодно проверю.

Мы остаемся вдвоем. Марина усаживает меня за стол и кладет в тарелку два сырника. Двигает кружку с кипятком. И когда только она успевает так быстро со всем справляться? Я без живота не такая поворотливая, как сестра.

— Я запуталась, Рин, — ломаю вилкой сырник, щедро политый сгущенкой. Ринка знает о моих предпочтениях, поэтому не скупится. — Он вчера говорил слишком искренне. А если и правда у них ничего не было?

— А если это вранье? Знаешь, как лжецы раскаиваются. О-о-о, они такие дифирамбы поют, что только успевай лапшу с ушей снимать, — она резко замолкает, смотрит на меня, округлив глаза. Подхватывает с тарелки сырник и быстро-быстро жует. — Хотя Андрей у тебя вообще не такой. Он прямой как рельса.

— Вот именно.

— Не спеши. У вас уже размолвка случилась. Разберитесь в ней спокойно. Если и правда ничего не было, то есть ого-го какой шанс все вернуть и даже сделать еще круче.

— Не знаю. Я теперь чувствую себя так, будто все случилось. Ну, измена, предательство, — отодвигаю тарелку подальше и показываю класс. Не могу доест, кусок в горло не лезет. Мыслями я уже там, за двором, рядом с Андреем. Представляю, как мы будем ехать, как будем вести себя там, у мамы. — И как от этого отключиться, понятия не имею.

— Дай себе время, Ди. Не пытайся решить все сразу. Ты это, конечно, любишь. Но придержи коней и не руби с плеча, — она поднимается с места и смотрит в окно. Там ничего не видно, высокий забор прячет и Вадима, и Андрея. Марина открывает форточку и принюхивается, а потом недовольно цокает. — Все, иди. А то Вадик вторую начнет курить.

Глава 10

Складываю все, что нарубил, в дровник. Физический труд помогает выгонять из головы дурные мысли, поэтому тружусь с энтузиазмом. За три с половиной часа усердной работы справился с большей частью. Можно, конечно, сегодня все добыть, но уже темнеет, а по ночи возиться неохота. Здесь, конечно, есть свет, но кому это надо? Дров на праздники хватит, а дальше разберемся. Может, еще как-то на неделе заеду и добыю остальное.

Стоит отложить в сторону топор и немного расслабиться, как мысли начинают метаться. Я прокручиваю все: и наши вчерашние разговоры с Ди, и свои сообщения в чат бойцам с внеплановым сбором на тренировку, и даже короткую беседу с Вадимом сегодня утром. Он вообще мужик мировой, перевели его в часть после ранения в горячей точке. Сейчас уже притерся ко всем, хотя правильнее будет сказать, все к нему, и живет счастливо.

Мы перебросились парой-тройкой фраз утром. Пришлось коротко пересказать ему ситуацию, какой я ее вижу. Завтра, конечно, многое прояснится. Я на это надеюсь. Сегодня же я заручился поддержкой Белова. Он пообещал пробить по своим каналам информацию. Я попросил его не рисковать, а он только махнул рукой. Вадим всегда осторожный, поэтому и работает сейчас без врагов, все его справедливо опасаются, но дружить против бояться.

Когда набираю в руки очередную охапку поленьев, вижу Диану, спешащую по расчищенной дорожке ко мне. Смешная такая, в тяжелой отцовской фуфайке, которая явно велика ее плечам, и в галошах бордового цвета. Аккуратно переставляет ноги, чтобы не зачерпнуть снега сбоку. Я улыбаюсь, когда вижу ее. Для меня не изменилось ничего, я просто принимаю новые реалии, в которых Ди вынуждает нас жить.

Она осторожничает — останавливается поодаль, оценивает обстановку. Да, я не слишком аккуратно орудовал топором — куда улетало, там и оставлял, а теперь собираю. Диана еще недолго смотрит на меня, а затем подбирает пару деревяшек, подходит ближе.

— Мама спрашивает, долго ты еще тут возиться собираешься? Она обед приготовила. Ну как она, мы с ней, — уголки ее губ приподнимаются, и я жадно впитываю эмоции Дианы. Меня конкретно-так на ней клинит. Мало того, что я во время командировки думал о ней, так после возвращения получил скандал и одиночество и теперь голодный во всех смыслах. Хотя нет, только в одном. Жену хочу. Этот голод перебивает все.

— Клади сверху, — киваю на свою охапку. — Или сама носи туда, — поворачиваю голову в сторону дровника. Диана кивает и идет к нему. Ну конечно, от меня надо держаться подальше. План надежный, как швейцарские часы. Уверен, это ее мама ко мне отправила, самы бы ни за что не пришла. — Как соберу, приду. Думаю, минут десять-пятнадцать.

Иду следом, едва не наступая Ди на пятки. В дровнике свободно, поэтому тоже захожу внутрь. Он огромный и обычно полностью забит дровами, только небольшой коридорчик посередине остается, чтобы можно взять поленья.

Диана аккуратно кладет деревяшки, я просто опускаю горой на небольшую кучку, потом разгребу, сейчас куда важнее кажется насмотреться на жену. В закрытом пространстве пахнет

древесиной и духами Ди. Я слежу за тем, как она поднимает на меня взгляд, робея. Я загораживаю выход, знаю, но не собираюсь двигаться. Не сейчас. Может, позже.

Стягиваю перчатки и делаю шаг навстречу супруге. Как по минному полю. Даже хуже. Здесь не только на куски разлетишься — душа тоже в ошметки. Меня конкретно так ведет. Даже на выезде такого помешательства не было. Там я знал, что приеду домой, и Диана целиком и полностью будет моей. А теперь делю ее с тараканами в ее красивой голове.

— Я тогда пойду. Здесь холодно, — в доказательство она ежится и запахивает фуфайку сильнее.

Эти ее слова как красная тряпка для быка.

— Согреть? Я после зарядки с топором охренеть какой горячий, — усмехаюсь. Диана тоже ловит мою эмоцию, зеркалит.

Ну вот же, ты сама идешь мне навстречу. Еще пара шагов, родная, а дальше я подхвачу.

— Я лучше в комнате с горячим супом, — поджимает губы, пряча улыбку. Знаю я, что ей тяжело. Я бы, наверное, придушил того, кто с Дианкой на таких компрометирующих фотках оказался. Без разговоров. И даже просьбы меня бы не остановили.

Ди сражается со своими демонами. Ищет доказательств. Я сам их ищу, хоть и знаю, что моя совесть чиста. Только вот как ее убедить, если моих слов недостаточно? Надеюсь, завтра пойму или хотя бы узнаю, в каком направлении двигаться.

Кивнув Диане, отступаю, прыгивая в снег. Разворачиваюсь, подаю ей руку. Здесь нет ступеньки, а пол дровника приподнят над землей. Ди, конечно, девочка сильная и вполне справится сама, но я не могу не предложить. Это лишний повод коснуться ее.

Она закатывает глаза, но вкладывает свою ладонь в мою руку. Я улыбаюсь как Чеширский кот, еще пара секунд, и лицо от счастья треснет. Диана аккуратно спускается, и когда оказывается на земле, попадает в плен моих рук.

Обнимаю ее одной, без лишних раздумий прижимая ее тело к своему. Я даже под толстым слоем одежды чувствую, какая она тоненькая. Моя. Не отдам никому. И уйти не позволю. Все, это конечная. Я и раньше не собирался с Дианой разлучаться, а сейчас и вовсе понял, что без нее все не то.

— Я хочу в дом, — произносит вроде решительно, но реакции ее тела говорят о другом. Зрачки расширились, дыхание участилось. Так, конечно, выглядит паника, но я думаю, что это наша близость. Она ведь тоже скучает, уверен в этом.

— А я тебя, — улыбаюсь. Диана роет себе яму, позволяя мне заходить с каждым мгновением все дальше и дальше. В штанах уже тесно, а это просто обнимашки, еще и в куртках. Что будет дальше? Стояк при одном взгляде на жену? — Но здесь будет холодно, — осматриваюсь и со свистом втягиваю морозный воздух. — Иди, я скоро приду, потом поедem.

Глава 11

— Тогда отпусти меня, — просит Диана, легонько толкая меня в грудь. Я молчу, смотрю на ее губы, раздумывая, стоит ли сейчас их касаться. Желания выходят на первый план. Я хочу. Очень хочу. Вспомнить, как это — целовать ее, обнимать жадно, трогать везде, возбуждать ее и сильнее заводиться самому. Это правильные и очень нужные желания. — Андрей, пожалуйста, — произносит с нажимом.

— Не могу, Диан, — сокрушенно выдыхаю и, наплевав на все выстроенные Дианой границы, крепко ее обнимаю двумя руками. — Постой так со мной чуть-чуть. Я соскучился, — целую ее в макушку и, прикрыв глаза, просто дышу.

Кровь бурлит в венах, но эмоции медленно утихают. Меня больше не штормит, в голове — штиль. Обидно признавать, что это ненадолго, что на какие-то минуты, мгновения, а потом Диана неизменно сбежит, потому что моей снежной королеве сначала нужно немного оттаять самой, прежде чем она снова подпустит меня.

Я заигрываюсь, хожу по опасной черте, наступая на нее, но не перешагивая. Диана бдит, контролирует каждое мое движение и каждый вздох. Когда начинает ерзать, медленно убираю руки, скольжу по ее плечам. Ди немного потерянная, взгляд отсутствующий, она здесь и далеко-далеко одновременно. Вспоминает, как нам было хорошо? Или перебирает все доступные способы держать себя в руках и не кривиться от отвращения.

— Ди, я понятия не имею, что нужно сказать, чтобы ты перестала от меня бегать.

— Скажи, что дашь мне время, — она обхватывает свои плечи. Холодно и в душе ее, и на улице.

— Для чего оно тебе?

— Чтобы понять, как быть дальше. Смогу ли я быть с тобой, — хлещет словами. Мне не нравится ни одно из них, но это, наверное, потому что мне не нужны всякие условности — я для себя все давным-давно решил.

— Тебе не кажется, что тогда нужно быть рядом со мной?

— Пока нет, — она трет замерзший нос, а после прячет руки в длинных рукавах. — Не знаю. Давай не здесь об этом, ладно?

— Понял.

Я и правда ее отпускаю. Диана больше не медлит — сбегает в дом. Возвращаюсь к сбору дров. Перетаскать недолго, заодно успокоюсь. Справляюсь со всем за три ходки. Убираю топор на место, накрываю пень для колки дров, чтобы его не засыпало снегом и он не размокал. Еще раз все проверив и переложив дрова в дровнике, заканчиваю и иду в дом.

На улице уже серо, с темнотой сразу мороз приходит, кажется, что еще холоднее становится. Разувшись и оставив куртку в прихожей, иду сначала в ванную мыть руки и только потом

в кухню. На весь дом пахнет свежеприготовленной едой — рай просто. Меня так вчера никто не встретил, хоть сегодня уюта отхвачу.

На входе притормаживаю, слышу, как Ди с мамой на повышенных тонах разговаривают. Прислушиваюсь, чтобы знать, что у них там происходит. Она же не рассказала о нас? Вряд ли Диана решит нарваться на скандал перед праздниками. Ей, конечно, не повезло. У нас с ее родителями случилась любовь. Для них я — тот самый сын, которого они всегда хотели, а мне они заменили настоящих маму и папу, которые умерли, когда я был подростком.

— Мам, ну хватит уже! Прямо сейчас бежать рожать, может?

— Хотя бы забеременеть! Вы столько лет вместе, а детей нет. Это нехорошо, Диана.

— Кому нехорошо? Тебе? Я ведь уже сто раз говорила, почему мы с этим не торопились.

Да, мы и правда звездочек ждали, чтобы и жалованье было хорошее, и хватало на все, когда Диана в декрет уйдет. Сначала капитана, потом как-то привыкли вдвоем, не спешили, оставили все на самотек, но что-то не получалось. Потом пошли к врачам, сдали анализы, все у нас было хорошо, а ребенка не было. Врач посоветовала не заикливаться, сославшись на психосоматику. Мы решили, что до майора точно не будем прибегать ни к каким другим методам, кроме естественного.

В общем, природа оказалась не на нашей стороне.

— А теперь можно и поторопиться! Скоро там Андрюше майора дадут? Как раз и звание, и лялька. Тебе тридцать почти, дальше будет тяжелее. Сопли, школа, уроки.

— Мам, ты сама-то меня в тридцать родила, — готов поспорить, Диана закатывает глаза сейчас. — Хватит, пожалуйста. Тем более Андрей скоро придет.

— А у меня уже все готово, чтобы его встречать. Но ты задумайся. Пора, милая, очень пора. Я по себе сужу, с вами ой как нелегко было, особенно с Ринкой, петарда, блин. Не хочу, чтобы и ты мучилась, пока воспитывать будешь.

— Тут что-то слишком вкусно пахнет, — решаю вмешаться и, хлопнув в ладоши, захожу на кухню. Диана вообще не любит обсуждать с родителями тему детей. Она и для нас двоих немного болезненная, а сейчас, наверное, и вдвое, если не втрое больше.

— Да-да, Андрюшенька, проходи скорее, а то все стынет. Накладывай, Диана, не мори мужа голодом.

— Не мне дрова понадобились, — Диана улыбается. — Вы в среду-то баню топить собираетесь?

— А как же! Так что приезжайте пораньше, чтобы напариться, пока никого не будет.

— Я работаю, ты же знаешь, — Ди поджимает губы. Не нравится ей весь этот разговор. Настроение безоговорочно испорчено, поэтому она садится дальше от нас, положив какие-то крохи себе на тарелку, чтобы создать видимость, что ест.

— Андрюш, а ты?

— Подожду Диану, и вместе приедем.

Мы едим в тишине, работаем ложками и вилками. За чаем разговор понемногу движется, я расспрашиваю маму о том, как они тут жили, пока меня не было, она охотно вовлекается и щебечет без остановки. Диана тоже оттаивает понемногу, иногда я ловлю ее улыбки.

Проводим за столом от силы полчаса, а потом уезжаем. Диана выдыхает с облегчением, я уже придумываю, о чем мы будем с ней говорить, но Ди и тут оказывается более находчивой — почти сразу же засыпает, и еду я в абсолютной тишине, слушая ровное дыхание.

Велик соблазн привезти Ди в нашу квартиру и не выпускать ее оттуда никогда. Она не сможет отвертеться, я просто не оставлю выбора. Именно поэтому на развилке я сворачиваю в сторону нашего дома.

Глава 12

Открываю глаза, когда что-то теплое касается моей щеки. Первое, что вижу — теплый прямой взгляд Андрея. Это его пальцы скользят по коже, ласкают. Он улыбается, явно мною любуюсь. Я спросонья тоже улыбаюсь в ответ. На мгновение кажется, что между нами все как раньше. Да, ругались, но хочется забыть вообще обо всем, потому что момент какой-то слишком волшебный — кроме наших взглядов и смешавшегося дыхания будто вообще ничего не существует.

— Проснулась.

Осознание приходит быстро — я тут же вжимаюсь в спинку сиденья. Осматриваюсь, за окном знакомый двор, детская площадка. Мы не у Марины с Вадиком.

Андрей щелкает моим ремнем и выпрямляется.

— Зачем ты привез меня сюда? — я растеряна. Не зла, не подавлена — просто не понимаю, как мне реагировать. Разговор с мамой выжал все соки, и у меня просто не осталось ни на что сил. Она часто давит, все еще пытается контролировать мою жизнь.

— Зачем я привез жену домой? Потому что ты должна жить здесь, Диана, а не бегать по родственникам, — Андрей выходит из машины. Я все так же сижу, смотрю, как он обходит ее спереди, распахивает мою дверцу. Дважды сжимает руки в кулаки и резко растопыривает пальцы. — Я правда думал отойти в сторону и подождать, пока ты остынешь, но так ни хера не работает. Я каждую гребаную секунду хочу сорваться к тебе, когда ты не рядом. Так что теперь так — можешь думать сколько тебе нужно, но живем мы на одной территории и проблемы между нами решаем тоже вместе, а не прячась друг от друга, — он протягивает ладонь, и я с его помощью выбираюсь на улицу.

Морозный воздух щиплет щеки, но я почти не чувствую холода, потому что в моей душе пожар. Мы с Андреем снова невыносимо близко. Он здесь, со мной, со вчерашнего дня не оставляет. Я снова путаюсь в собственных рассуждениях. Еще утром я хотела держаться от него подальше, а сейчас, когда моя рука в его ладони, вообще двигаться с места не желаю. Так бы стояла и смотрела на него в свете уличных фонарей, пока редкие снежинки кружат в воздухе.

— Мои вещи у Марины... — начинаю издалека, не решаясь озвучить прямой отказ.

За эту неделю я так сильно отдалилась от Андрея, что теперь вернуться в квартиру, к нему, кажется скоропалительным решением.

Я верю, что у него ничего не было с этой девочкой, но верить словам и бороться с самой собой, с тем, что я успела себе представить, — невыносимо. Стоит мне поддаться, вот как сейчас позволить Андрею быть ближе, как вспышками в памяти проносятся те фотографии. И я снова возвращаюсь в тот злосчастный понедельник.

— Могу завтра заехать забрать. У меня тренировка, — Андрей вдруг улыбается, широко и по-доброму, а затем наклоняется ко мне. — Я знаю, что ты у меня девочка гордая, так что давай сделаем вид, что я тебя похитил. Мне отнести тебя в квартиру на руках?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.